

Министерство просвещения Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра английской филологии
и методики преподавания английского языка

И. А. Балакина, Ю. В. Кузина

**КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Учебно-методическое пособие

Екатеринбург 2023

УДК 81'25(075.8)
ББК Ш118
Б20

Рекомендовано Ученым советом
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве *учебного* издания (Решение № 32 от 24.04.2023)

Рецензенты:

Никифорова М. В., канд. филол. наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Лихачева Е. В., старший преподаватель кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург)

Балакина, И. А.

Б20 Ключевые вопросы перевода с английского языка на русский: теория и практика : учебно-методическое пособие / И. А. Балакина, Ю. В. Кузина ; Уральский государственный педагогический университет. – Электрон. дан. – Екатеринбург : УрГПУ, 2023. – 1 CD-R. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7186-2113-6

Учебно-методическое пособие включает материалы по теории и практике перевода с английского языка на русский. Предназначается для студентов лингвистических вузов и факультетов. Материалы могут быть использованы на аудиторных занятиях и при самостоятельной работе по соответствующим дисциплинам.

УДК 81'25(075.8)
ББК Ш118

ISBN 978-5-7186-2113-6

© Балакина И. А., Кузина Ю. В., 2023
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА	5
ПЕРЕВОД И ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА	
КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА	6
Перевод и его особенности в современном мире.....	6
Предмет, объект, задачи и методы	
лингвистической теории перевода	7
Общая, частная, специальные теории перевода.....	10
Связь теории перевода с другими	
лингвистическими дисциплинами.....	11
Вопросы для контроля и самоконтроля	15
ПЕРЕВОД КАК ОСОБЫЙ ВИД	
ЯЗЫКОВОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА	16
Перевод с точки зрения теории коммуникации	17
Перевод – один из видов языкового посредничества	19
Другие виды языкового посредничества	22
Вопросы для контроля и самоконтроля	25
КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ	
ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	26
Жанрово-стилистическая классификация.....	26
Психолингвистическая классификация	27
Вопросы для контроля и самоконтроля	30
ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ	32
Проблема переводимости.....	32
Понятие «переводческая эквивалентность»	33
Иерархическая модель переводческой эквивалентности	
В. Н. Комиссарова.....	36
Вопросы для контроля и самоконтроля	53
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ	
ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ ПО ПЕРЕВОДУ	55
Текст 1 How America settled on a 5-day workweek.....	55

Текст 2 How didi England’s ‘lost king’ end up beneath a parking lot?.....	59
Текст 3 The ongoing mystery of hiccups	62
Текст 4 The forgotten history of cats in the navy	66
Текст 5 How to deal with food poisoning while travelling	70
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	75

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Данное пособие предназначено для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков, а также профессионально ориентированных колледжей. Помимо этого, представленные материалы могут применяться в ходе реализации программ повышения квалификации учителей иностранного языка.

Данное пособие имеет своей целью дальнейшее развитие лингвистических, коммуникативных и переводческих компетенций обучающихся.

Теоретические блоки пособия освещают ключевые вопросы теории перевода и призваны углубить и систематизировать знания обучающихся по соответствующим учебным дисциплинам. Каждый раздел теоретического блока сопровождается перечнем контрольных вопросов, которые могут быть использованы в ходе проверки и самопроверки уровня усвоения пройденного материала.

В заключительном блоке данного пособия представлены материалы, позволяющие совершенствовать практические навыки перевода с применением полученных теоретических знаний. Необходимо отметить, что выполнение различных переводческих заданий на материале этого блока не обязательно должно являться итогом изучения того или иного теоретического раздела. Этот материал может быть использован по усмотрению преподавателя тогда, когда это представляется наиболее целесообразным, в том числе в качестве основы для выполнения тренировочных или итоговых заданий по соответствующим дисциплинам.

Настоящее пособие может быть использовано для организации аудиторной, коллективной и самостоятельной работы.

ПЕРЕВОД И ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

1. Перевод и его особенности в современном мире.
2. Предмет, объект, задачи и методы лингвистической теории перевода.
3. Общая, частная, специальные теории перевода.
4. Лингвистическая теория перевода в кругу других научных дисциплин.

Перевод и его особенности в современном мире

Перевод – это деятельность, которая заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности; перевод – это также и результат описанной выше деятельности [1].

В современном мире переводу присущ ряд особенностей:

- 1) высокие требования к точности перевода (искажения, например, в дипломатическом или коммерческом переводе могут повлечь за собой серьезные негативные последствия);
- 2) наличие большого количества текстов специального характера (переводчику весьма желательно обладать познаниями в соответствующей предметной области);
- 3) тематическое разнообразие текстов (современному профессиональному переводчику недоступна узкая специализация);
- 4) стилистическое разнообразие текстов (переводятся тексты, созданные самыми разными людьми, владеющими языком оригинала на разном уровне);

5) значительно количество канонических переводов (переводы многих важных документов приобретают официальный статус, становясь единственным общепризнанным переводом, поэтому при последующем упоминании или цитировании такой документ не переводится заново, а используется его канонический перевод) [4].

Предмет, объект, задачи и методы лингвистической теории перевода

Перевод – это сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом исследования разных наук. В зависимости от предмета исследования можно выделить, например: психологическое переводоведение, литературное переводоведение, этнографическое переводоведение, историческое переводоведение и т. д. Ведущее место в современном переводоведении принадлежит *лингвистическому переводоведению*, изучающему перевод как лингвистическое явление. Отдельные виды переводоведения дополняют друг друга, стремясь к всестороннему описанию переводческой деятельности.

Лингвистическая теория перевода – в первую очередь, дескриптивная теоретическая дисциплина, занимающаяся выявлением и описанием объективных закономерностей переводческого процесса, в основе которых лежат особенности структуры и правил функционирования языков, участвующих в этом процессе. На основе описания лингвистического механизма перевода можно сформулировать некоторые нормативные рекомендации, принципы и правила, методы и приемы перевода, которые помогают переводчику решать стоящие перед ним задачи. В то же время, перевод – это творческий процесс, который требует от переводчика целого комплекса знаний, умений и навыков, способности делать правильный выбор, учитывая всю совокупность

лингвистических и экстралингвистических факторов. Учет подобных факторов происходит во многом интуитивно, в результате творческого акта.

Объект лингвистической теории перевода – посредническая переводческая деятельность в рамках межъязыковой коммуникации, представленная как непосредственно (процесс), так и опосредованно (её результат).

Предмет лингвистической теории перевода – изучение закономерностей переводческого процесса, факторов, влияющих на протекание процесса перевода и определяющих результат перевода.

Лингвистическая ТП широко использует данные и методы исследования других разделов языкознания: грамматики, лексикологии, семасиологии, стилистики, социолингвистики, психолингвистики и др.

Задачи лингвистической теории перевода:

1) раскрыть и описать общелингвистические основы перевода, т. е. указать, какие особенности языковых систем и закономерности функционирования языков лежат в основе переводческого процесса, делают этот процесс возможным и определяют его характер и границы;

2) определить перевод как объект лингвистического исследования, указать его отличие от других видов языкового посредничества;

3) разработать основы классификации видов переводческой деятельности;

4) раскрыть сущность переводческой эквивалентности как основы коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода;

5) разработать общие принципы и особенности построения частных и специальных теорий перевода для различных комбинаций языков;

б) разработать общие принципы научного описания процесса перевода как действий переводчика по преобразованию текста оригинала в текст перевода;

7) раскрыть воздействие на процесс перевода прагматических и социолингвистических факторов;

8) определить понятие «норма перевода» и разработать принципы оценки качества перевода [8].

Будучи лингвистической дисциплиной, лингвистическая теория перевода широко использует данные и **методы исследования** других разделов языкознания: грамматики, лексикологии, семасиологии, стилистики, социолингвистики, психолингвистики и др. Для общей теории перевода особую важность представляет распространение на ее объект общезыковедческих постулатов о языке как орудии общения, о языке как системе и как совокупности речевых реализаций, о двуплановости единиц языка, об отношении языка к логическим категориям и явлениям реального мира.

Особо важным методом исследования в лингвистике перевода служит **сопоставительный анализ перевода**, т. е. анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала. Эти тексты представляют собой объективные факты, доступные наблюдению и анализу. В процессе перевода устанавливаются определенные отношения между текстом оригинала и текстом перевода, что позволяет раскрыть внутренний механизм перевода, выявить эквивалентные единицы, а также обнаружить изменения формы и содержания, происходящие при замене единицы оригинала эквивалентной ей единицей текста перевода.

Сопоставительное изучение переводов дает возможность получать информацию о коррелятивности отдельных элементов оригинала и перевода, обусловленной как отношениями между языками, участвующими в переводе, так и внелингвистическими факторами, оказывающими влияние на ход переводческого про-

цесса. При этом возможно и сравнение двух или нескольких переводов одного и того же оригинала. Сопоставительный анализ переводов дает возможность выяснить, как преодолеваются типовые трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, а также какие элементы оригинала остаются непередаваемыми в переводе [3].

Общая, частная, специальные теории перевода

Лингвистическая теория перевода, являясь одним из разделов переводоведения, сама также носит комплексный характер и включает следующие разделы.

Общая теория перевода – раздел лингвистической теории перевода, изучающий наиболее общие лингвистические закономерности перевода, независимо от особенностей конкретной пары языков, участвующих в процессе перевода, способа осуществления этого процесса и индивидуальных особенностей конкретного акта перевода. Положения общей теории перевода охватывают любые виды перевода любых оригиналов с любого исходного языка на любой другой язык.

Частные теории перевода изучают лингвистические аспекты перевода с одного данного языка на другой данный язык. Частных теорий перевода может быть множество: теория перевода с английского языка на русский, теория перевода с немецкого языка на японский, теория перевода с французского языка на суахили и т. п.

Специальные теории перевода раскрывают особенности процесса перевода текстов разных типов и жанров, а также влияние на характер этого процесса речевых форм и условий его осуществления. Общая теория перевода дает теоретическое обоснование и определяет основные понятия частных и специальных теорий перевода. Частные и специальные теории пере-

вода конкретизируют положения общей теории перевода применительно к отдельным типам и видам перевода. теория художественного перевода, теория научно-технического перевода, теория устного перевода, теория машинного перевода и т. п.

Связь теории перевода с другими лингвистическими дисциплинами

Контрастивная лингвистика – направление исследований общего языкознания, целью которого является сопоставительное изучение двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры. Сопоставляя языки, лингвисты использовали метод сравнения конкретных речевых произведений на разных языках, т. е. их оригиналов и переводов. Данные контрастивной лингвистики, несомненно, полезны для лингвистической теории перевода. Исследуя соотношение между функциональными единицами языка А и языка В, контрастивная лингвистика создает необходимый фундамент для построения теории перевода. Контрастивная лингвистика в ряде случаев отвечает на вопрос, почему в переводе осуществляется та или иная операция [9]. Лингвистическая теория перевода и контрастивная лингвистика тесно связаны между собой, но нельзя отождествлять эти научные дисциплины друг с другом. Задача контрастивной лингвистики – сопоставлять языки, выявлять их сходства и различия. Лингвистическая теория перевода исследует перевод как специфический вид межъязыковой коммуникации. Ее цель – выявлять сущность перевода, его механизмов, способов реализации, влияющих на него языковых и экстралингвистических факторов.

Социолингвистика – часть языкознания, занятая изучением языка в его социальном контексте. На процесс перевода оказывают влияние социальные факторы, что позволяет считать

перевод социально-детерминированным явлением и по ряду характеристик отнести его к сфере компетенции социолингвистики. Непосредственное отношение к переводу имеют следующие социолингвистические проблемы, связанные с тремя сторонами перевода:

1. «Язык и социальная структура»: перевод как отражение социального мира.

При переводе происходит передача социальных реалий исходной социокультурной системы и опосредованное отражение социальной дифференциации общества через социально обусловленную дифференциацию языка.

Проблема передачи реалий имеет место в силу различного членения социокультурной действительности представителями различных народов.

Социально обусловленная вариативность языка находит свое отражение в авторской речи и в речи персонажей художественных произведений. Так, в художественной литературе отдельные языковые единицы или целые системы и подсистемы используются в качестве средств речевой характеристики персонажа, для указания на его социальный статус либо на ролевые отношения между персонажами. В переводе подобные характеристики должны сохраняться, хотя это не всегда легко осуществимо по причине различий в социальной дифференциации общества и, соответственно, в социально детерминированной дифференциации языка.

2. «Язык и культура»: перевод как социально детерминированный коммуникативный процесс. В переводе находит свое отражение и тональность текста, определяемая ролевыми отношениями между участниками коммуникации. Например, предполагается, что средства массовой информации моделируют речевое поведение человека, выбирающего те или иные языковые средства в зависимости от ролевых отношений. В этом случае материал одинаковой тематики преподносится в разной форме, с

помощью различных лингвистических средств и имеет различную стилистическую окраску в зависимости от предпочтений аудитории, которой он адресован.

3. «Язык и социология личности»: социальная норма перевода [9]. Социальная норма перевода – это совокупность наиболее общих правил, определяющих выбор стратегии перевода. Это механизм, посредством которого общество детерминирует поведение переводчика. Эти правила отражают те требования, которые общество предъявляет переводчику. Они различны и зависят культуры, эпохи и типа переводимого текста.

Психолингвистика – изучает взаимоотношение языка, мышления и сознания, т. е. речевое поведение. Перевод – это психологический процесс в трех его стадиях: понимание исходного текста, переход от форм исходного языка и продуцирование текста перевода.

Объектом психолингвистики является речевая деятельность, а объектом теории перевода – особый вид речевой деятельности, поэтому задачи этих дисциплин во многом перекрещиваются. К теории перевода вполне приложимы данные психолингвистики о механизмах порождения и восприятия речевого высказывания, о структуре речевого действия и о моделях языковой способности. Психолингвистические эксперименты проводятся с целью раскрыть глубинные психологические процессы, связанные с переводом и различными его видами. На основании данных психолингвистики осуществляется моделирование процесса перевода.

Лингвистика текста изучает связный текст как законченную последовательность высказываний, объединенных друг с другом смысловыми связями. Задача данной дисциплины – выявить сущность этих связей и способы их осуществления. обнаружить систему грамматических категорий текста с ее содержательными и формальными единицами, описать на материале текста сущность и организацию условий человеческой комму-

никации. Именно текст является объектом анализа на первом этапе перевода и именно текст является предметом синтеза на заключительном этапе переводческого процесса. Форма текста есть выражение коммуникативной интенции отправителя, реализуемой через посредство языка.

Ю. Найда отмечал, что теория перевода должна учитывать некоторые общие признаки текстов («универсалии дискурса»):

1) способы маркирования начала и конца текста: *once upon a time* (жили-были...), *they lived happily ever after* (и стали они жить-поживать, добра наживать);

2) способы маркирования переходов между внутренними подразделениями текста: *on the other hand, however, then all of a sudden, in contrast with all this*;

3) темпоральные связи: временные союзы, темпоральные фразы типа *the next morning*, относительные времена типа *the Future Perfect*, последовательность событий, отражаемая порядком слов;

4) пространственные связи: пространственные предлоги, индикаторы расстояния типа *long way off, ten miles long*;

5) логические отношения (например, причина и следствие);

6) идентификация участников дискурса: *he, she*, синонимы *dog, animal, pet, puppy*;

7) средства эмфатического выделения отдельных элементов текста: сложные синтаксические структуры, иерархия которых маркирует место участников и событий в описываемой ситуации;

8) сопричастность автора, которая может быть двух типов – автобиографическая (местоимение 1-го лица) и оценочная (*This was an ugly scene*).

Ю. Найда отмечает, что в разных языках для выражения универсалий дискурса используются разные средства. Для пере-

вода важно, каким образом реализуются универсалии дискурса в контактирующих в процессе перевода языках [7].

Существенное значение для теории перевода имеет и стилистика текста. Стилистические типологии текстов подразделяют все тексты по их принадлежности к определенному типу или жанру. Конвенции жанра накладывают определенный отпечаток на работу переводчика, поэтому жанровая дифференциация текстов имеет непосредственное отношение к переводческой стратегии. Необходим учет специфики данного типа текста и коммуникативной функции, выполняемой текстами данного типа.

Вопросы для контроля и самоконтроля

1. Что составляет объект и предмет лингвистической теории перевода?
2. Каковы задачи лингвистической теории перевода?
3. Какими исследовательскими методами пользуется лингвистическая теория перевода? Какой метод является особенно важным для данной научной дисциплины?
4. Какие разделы включает лингвистическая теория перевода?
5. Какова связь теории перевода с другими лингвистическими дисциплинами?

ПЕРЕВОД КАК ОСОБЫЙ ВИД ЯЗЫКОВОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА

1. Перевод с точки зрения теории коммуникации.
2. Языковое посредничество и перевод как один из его видов.
3. Другие виды языкового посредничества

Лингвистическая теория перевода имеет дело как с текстами на исходном языке (ИЯ) и на языке перевода (переводящего языка – ПЯ), так и с процессом преобразования текста оригинала в текст перевода. При этом переводческая деятельность носит посреднический характер, поскольку ее цель заключается в том, чтобы сделать доступным для читателей перевода сообщение, сделанное автором оригинала на другом языке. Перевод как целенаправленная деятельность удовлетворяет постоянно возникающую потребность общения между людьми, не владеющими общим языком, или, иначе говоря, людьми, разделенными лингвоэтническим барьером [5]. Иными словами, благодаря переводу обеспечивается возможность общения между людьми, говорящими на разных языках, возможность межъязыковой коммуникации. Для создания полноценного перевода переводчик должен учитывать характерные особенности автора-источника информации и тех рецепторов информации, для которых оно предназначалось, их знания и опыт, отражаемую в сообщении реальность, характер и особенности восприятия людей, которым адресуется перевод, и все остальные аспекты межъязыковой коммуникации, влияющие на ход и результат переводческого процесса. Поэтому лингвистическая теория перевода рассматривает перевод в широких рамках межъязыковой коммуникации и изучает все ее аспекты и определяющие факторы, как собственно лингвистические, так и экстралингвистиче-

ские, но прямо или косвенно влияющие на выбор языковых единиц в процессе перевода [3].

Перевод с точки зрения теории коммуникации

Способность обмениваться мыслями с помощью речи является важнейшим свойством человека. Без речевого общения немислимы никакая цивилизация, организация производства, наука, культура, сама жизнь и существование человека разумного.

В любом акте речи осуществляется общение между источником информации (говорящим или пишущим) и ее реципиентом (слушающим или читающим). Информация передается от Источника к Рециптору. Базовым условием передачи информации выступает **языковая компетентность** – Источники и Реципиенты должны владеть одним и тем же языком. Но даже при этом условии информация никогда не доходит до реципиента в полном объеме из-за особенностей человеческого восприятия. Объем полученной информации напрямую зависит от уровня компетентности реципиента касательно содержания и формальных признаков закодированной определенным языком информации. Так, различают следующие виды компетентности:

1. Профессиональная, тематическая компетентность: так, например, в процессе общения специалистов в какой-либо области информация будет успешно передаваться при наличии равного уровня базовой компетенции.

2. Возрастная компетентность: ребенок не поймет взрослого, если тот передает информацию, не учитывая малый уровень компетентности ребенка.

3. Ситуативная компетентность: общий жизненный опыт знакомых людей обеспечивает уровень их базовой компетентности, необходимый, чтобы понять друг друга в процессе общения [1].

Таким образом, каждый отдельный реципиент извлекает из сообщения разную по объему информацию в зависимости от его знаний, степени заинтересованности в сообщении и той цели, которую он себе ставит, участвуя в коммуникации. Поэтому каждое сообщение существует как бы в двух формах: сообщение, переданное отправителем (текст для говорящего), и сообщение, воспринятое получателем (текст для слушающего). Эти формы не совсем тождественны, но коммуникативно равноценны, что выражается следующим образом:

1. Между ними *потенциально* существует высокая степень общности, поскольку они состоят из одинаковых языковых единиц, репрезентирующих, в целом, одинаковую информацию для всех членов данного языкового коллектива.

2. Между ними *фактически* существует достаточная степень общности, чтобы обеспечить необходимое взаимопонимание в конкретных условиях общения.

3. Обе формы объединяются в акте коммуникации в единое целое, и различия между ними оказываются нерелевантными для участников коммуникации, которые не осознают этих различий, считая, что полученное сообщение и есть то, что передано, и наоборот.

Таким образом, для коммуникантов реально существует один единый текст, содержание которого в принципе может быть доступно всем владеющим языком, с помощью которого передается и принимается сообщение.

Если же общение осуществляется между коммуникантами, говорящими на разных языках, то имеет место межъязыковая (двуязычная) коммуникация. Процесс межъязыковой коммуникации имеет сложную структуру, которая включает множество факторов, влияющих на условия ее протекания и ее конечный успех. Как отмечает Р. К. Миньяр-Белоручев, «науке о переводе приходится изучать и условия порождения исходного текста, и условия восприятия переводного текста, и социальный

статус коммуникантов, и речевую ситуацию, и различные сопутствующие явления, что входит в сложное понятие коммуникации с использованием двух языков, которая и представляет собой объект науки о переводе» [6].

Перевод – один из видов языкового посредничества

Межъязыковая коммуникация носит опосредованный характер, поскольку реципиент не может самостоятельно извлечь информацию из текста, созданного не известном ему языке. Необходимо языковое посредничество – «преобразование исходного сообщения в такую языковую форму, которая может быть воспринята Рецептором. Языковой посредник должен извлекать информацию из текста исходного сообщения («оригинала» или «подлинника») и передавать ее на другом языке» [3].

С данной точки зрения перевод – это вид языкового посредничества. Такое посредничество осуществляется переводчиком и задействует следующие виды компетентности переводчика:

1. Компетентность переводчика в области языка оригинала (полная и активная).
2. Компетентность переводчика в области языка перевода (активное владение родным языком, умение порождать текст как в сфере литературной нормы, так и вне нормы).
3. Профессиональная компетентность переводчика (знание теории перевода, техники перевода, мнемонических приемов, этики перевода и т. п.). Помимо этого, в рамки профессиональной компетентности переводчика входит владение названными выше тремя аспектами компетентности, которые являются условием одноязычной коммуникации: тематической, возрастной и ситуативной.

Некомпетентность переводчика в любой из этих трех областей может привести к частичному или полному блокированию канала информации [1].

Перевод – это вид языкового посредничества, который всецело ориентирован на иноязычный оригинал [3]. Перевод рассматривается как иноязычная форма существования сообщения, содержащегося в оригинале. Как в процессе речевого общения на одном языке, тексты для говорящего и для слушающего признаются коммуникативно равноценными и объединяются в единое целое, так и текст перевода признается коммуникативно равноценным тексту оригинала. Задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке реципиента (на «переводящем языке» – ПЯ) мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться реципиентами перевода с оригиналом в функциональном, структурном и содержательном отношении.

Функциональное отождествление оригинала и перевода заключается в том, что перевод как бы приписывается автору оригинала, публикуется под его именем, обсуждается, цитируется и пр. так, как будто он и есть оригинал, только на другом языке.

Содержательное отождествление оригинала и перевода заключается в том, что Рецепторы перевода считают, что перевод полностью воспроизводит содержание оригинала, что в нем передается то же содержание средствами иного языка.

Структурное отождествление перевода с оригиналом заключается в том, что Рецепторы перевода считают, что перевод воспроизводит оригинал не только в целом, но и в частностях. Предполагается, что переводчик точно передает структуру и порядок изложения содержания в оригинале, не позволяет себе что-либо изменить, исключить или добавить от себя.

Совокупность этих отношений отождествления, полностью соответствующая реальной действительности, то есть по-

стоянно в действительности наблюдаемая, дает возможность утверждать, что перевод как результат – это, по сути, все, что выдается за перевод, и самый плохой текст (плохой с точки зрения соответствия оригиналу и соблюдения норм переводящего языка) имеет полное право считаться переводом и, как правило, считается таковым [8].

Таким образом, перевод можно определить как вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном «отношении. Для пользующихся переводом он во всем заменяет оригинал, является его полноценным представителем.

Как и при общении с помощью одного языка, в процессе перевода межъязыковая коммуникация осуществляется путем объединения в акте общения двух форм сообщения, которые рассматриваются коммуникантами как коммуникативно равноценные. Однако при этом имеется и весьма существенное различие: в процессе «одноязычного» общения инвариантность передаваемого и принимаемого сообщения обеспечивается использованием одной и той же языковой системой. В переводе в качестве ипостасей одного и того же сообщения выступают тексты, созданные на основе разных языковых систем из единиц, не совпадающих ни по форме, ни по содержанию. Поэтому расхождение между этими ипостасями обусловливается уже не столько индивидуальными различиями коммуникантов, сколько различиями между языками. Поэтому сама возможность и закономерности осуществления перевода определяются, в первую очередь, способностью разноязычных текстов выступать в качестве коммуникативно равноценных в процессе общения.

Важнейшая задача теории перевода заключается в выявлении языковых и экстралингвистических факторов, которые

делают возможным отождествление содержания сообщений на разных языках.

Другие виды языкового посредничества

При описании переводческой деятельности теория перевода учитывает, что в качестве языкового посредника переводчик может осуществлять не только перевод, но и различные виды адаптивного транскодирования.

Адаптивное транскодирование – это вид языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (как и при переводе), но и ее адаптация с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации. Специфика адаптивного транскодирования определяется ориентацией языкового посредничества на конкретную группу рецепторов перевода или на заданную форму преобразования информации, содержащейся в оригинале. В отличие от перевода, создаваемый посредством адаптивного транскодирования текст не предназначен для полноценной замены оригинала.

Адаптивное транскодирование иноязычного оригинала может быть представлено как объединение двух последовательных преобразований: перевод и заданная адаптация текста перевода [3]. Различные виды адаптивного транскодирования в неодинаковой степени обнаруживают отдельные черты сходства с переводом.

Сокращенный перевод заключается в опущении при переводе отдельных частей оригинала по моральным, политическим или иным соображениям практического характера. При этом предполагается, что переводимые части оригинала передаются коммуникативно равноценными отрезками речи на пе-

реводящем языке, хотя весь оригинал воспроизводится лишь частично.

Адаптированный перевод заключается в частичной экспликации структуры и содержания оригинала в процессе перевода с целью сделать текст перевода доступным для восприятия отдельным группам рецепторов, не обладающим достаточными познаниями и профессиональным или жизненным опытом, которые требуются для полноценного понимания оригинала. Например, перевод сложного научного текста предназначается для широкого круга читателей-неспециалистов.

Адаптация и сокращение весьма тесно взаимосвязаны и зачастую используются совместно. В этих случаях сохраняется частичное функциональное отождествление исходного и конечного текстов.

Большинство видов адаптивного транскодирования не подразумевают даже частичного функционального или структурного отождествления исходного и конечного текстов. Они предназначены для более или менее полной передачи содержания иноязычного оригинала в такой форме, которая необходима для достижения цели межъязыковой коммуникации, в оказании желаемого воздействия на определенную группу рецепторов, либо в извлечении из оригинала определенной части информации. Преобразование содержания оригинала при адаптивном транскодировании обусловлено социальным заказом.

Адаптивное транскодирование, ориентированное на заданный объем и характер информации, осуществляется путем составления аннотаций, рефератов (abstracts), резюме (precis) и других форм передачи информации, связанных с отбором и перегруппировкой сведений, содержащихся в иноязычном тексте.

Реферирование – максимально краткое изложение текста с максимально возможной передачей его цели и смысла. Процесс реферирования включает несколько этапов.

1. Этап ориентации – происходит анализ и осмысление текста оригинала.

2. Этап планирования – переводчик составляет план высказываний, определяет их последовательность.

3. Этап реализации – осуществляется непосредственно процесс перевода и переформулирования с учетом языковых особенностей.

4. Этап контроля – переводчик соотносит полученный результат с оригиналом и, при необходимости, совершенствует его.

Необходимость максимально полно представить содержание текста оригинала в переформулированном и сокращенном виде является сложной задачей и требует от переводчика высокого уровня профессионализма.

Текстуализация интенций – коммуникант не формулирует текст, подлежащий переводу или адаптации, а ставит перед языковым посредником коммуникативные задачи типа: «Спросите того», «Узнайте это», «Постарайтесь добиться того-то» и т. п. После этого переводчик, не имея оригинала, сам формулирует текст на языке перевода, то есть преобразует интенции коммуниканта в текст на другом языке [5].

На практике существуют и «гибридные» виды адаптивного транскодирования, объединяющие в себе черты и элементы двух или более видов. При этом следует иметь в виду, что общим для всех видов адаптивного транскодирования является то, что для каждого из них изначально задается примерный объем и правила изложения информации, содержащейся в исходном тексте, что и облегчает ее восприятие конечным получателем и способствует достижению целей межъязыковой коммуникации.

Вопросы для контроля и самоконтроля

1. Какие виды компетентности обеспечивают возможность и полноту передачи информации в процессе коммуникации?
2. Что понимается под «коммуникативной равноценностью»?
3. По каким параметрам текст перевода отождествляется с текстом оригинала?
4. Какие виды языкового посредничества существуют?
5. Что отличает перевод от адаптивного транскодирования?

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Жанрово-стилистическая классификация перевода.
2. Психолингвистическая классификация.

В ходе реальной деятельности переводчику приходится сталкиваться с самыми различными видами текстов, формами перевода и требованиями к его осуществлению. Существуют две основных классификации видов перевода: по характеру текстов и по характеру речевых действий переводчика в процессе перевода.

Жанрово-стилистическая классификация

В соответствии с жанрово-стилистической классификацией перевода выделяют два функциональных вида перевода: художественный и информативный (специальный) [3]. Данные виды перевода противопоставлены на основе основных функций, выполняемых текстами. Так, для художественного текста ведущей функцией является художественно-эстетическая (поэтическая), а для специального – информативная, т. е. функция сообщения.

Художественный перевод – это перевод произведений художественной литературы, основная задача которого заключается в порождении на ПЯ речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на получателя перевода.

Информативный перевод – это перевод специальных текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии на читателя. К таким текстам относят все материалы

научного, делового, общественно-политического, бытового и пр. характера. Дальнейшее подразделение в рамках информативно-го перевода основано на принадлежности оригинала к тому или иному функциональному стилю: общественно-политический, научно-технический, газетно-информационный и т. д.

Тем не менее необходимо отметить, что «в оригинале, требующем, в целом, художественного перевода, могут быть отдельные части, выполняющие исключительно информационные функции, и, напротив, в переводе информативного текста могут быть элементы художественного перевода» [4]. Невозможно представить себе совершенно «безыформативный» художественный текст или, например, общественно-политический, не несущий никакой экспрессии. В целом, можно утверждать, что деление перевода на художественный и информативный условно и ориентируется исключительно на основные (доминантные) функции, выполняемые переводимыми текстами.

Психолингвистическая классификация

Данная классификация учитывает способ восприятия текста оригинала и способ создания текста перевода и подразделяет переводческую деятельность на письменный перевод и устный перевод.

Л. С. Бархударов предлагает более дробное деление видов переводческой деятельности [2]:

1. *Письменно-письменный перевод*, или письменный перевод письменного текста. В этом случае оба языка употребляются в письменной форме.

2. *Устно-устный перевод*, или устный перевод устного текста. Оба языка употребляются в устной форме.

В пределах этого вида перевода существуют разновидности: последовательный перевод и синхронный перевод. *После-*

довательный перевод осуществляется либо после произнесения всего текста оригинала («собственно последовательный перевод монологической речи»), либо в паузах ораторской речи после произнесения оратором нескольких предложений или одного предложения («абзацно-фразовый перевод»).

Синхронный перевод осуществляется одновременно с произнесением оригинала оратором, то есть в синхронном переводе происходит одновременно, синхронно восприятие текста оригинала и порождение текста перевода. Естественно, синхронный перевод несколько отстает от ораторской речи (такое отставание называется синфазностью перевода, или фазовым сдвигом), либо несколько забегает вперед по сравнению с ораторской речью, что становится возможным благодаря так называемому механизму вероятностного прогнозирования.

3. *Письменно-устный перевод*, или устный перевод письменного текста: ИЯ употребляется в письменной форме, ПЯ – в устной.

Здесь также возможны две разновидности: перевод может осуществляться одновременно с чтением оригинала про себя или же последовательно, после прочтения всего текста оригинала или поабзацно. Эти подвиды письменно-устного перевода можно условно назвать «собственно переводом с листа» и «переводом с листа с подготовкой».

4. *Устно-письменный перевод*, или письменный перевод устного текста. ИЯ употребляется в устной форме, ПЯ – в письменной. На практике подобный вид перевода используется редко. Пожалуй, чаще всего он используется в учебных целях, на занятиях по практике перевода или практике иностранного языка в форме диктанта-перевода. Вместе с тем можно допустить использование этого вида перевода в форме перевода устных текстов, существующих в аудиозаписи.

В целом же каждый из указанных видов перевода соотносится с двумя главными видами: письменный перевод и устный

перевод. Ниже приведены ключевые различия между письменным и устным переводом:

1. В письменном переводе переводчик не ограничен жесткими временными рамками, он может в любой момент прервать перевод, вернуться к уже переведенному отрезку речи, потратить дополнительное время на обдумывание варианта перевода. В устном переводе действия переводчика строго ограничены по времени темпом ораторской речи, необходимостью выдавать перевод одновременно со звучанием ораторской речи или сразу же после произнесения соответствующего текста (или его части) оратором.

2. В каждом из этих видов перевода переводчик имеет дело с неодинаковыми отрезками оригинала. В письменном переводе переводчик переводит одно высказывание за другим, но в его распоряжении имеется весь текст, и обычно процесс перевода начинается с ознакомления переводчика со всем текстом. Поэтому каждая переводимая в дальнейшем единица воспринимается именно как единица данного текста. В устном переводе переводчик воспринимает и переводит текст небольшими сегментами по мере их произнесения оратором и не может обращаться в процессе перевода к другим сегментам или анализировать содержание текста в целом.

3. Письменный и устный перевод различаются и по характеру связи с участниками межъязыковой коммуникации. Как правило, письменный переводчик не общается с автором оригинала и с получателями текста перевода непосредственно в процессе перевода. К тому же, автор оригинала мог жить несколько столетий назад, а текст перевода может читаться получателями через много десятилетий после смерти переводчика. В устном переводе переводчик находится в непосредственном контакте со всеми участниками межъязыкового общения, что позволяет ему устанавливать обратную связь с участниками коммуникации. Непосредственное общение в процессе устного перевода позво-

ляет переводчику анализировать и оценивать особенности самих коммуникантов, которые могут влиять на ход коммуникации, оценивать их реакцию на перевод и корректировать свою стратегию в зависимости от этой реакции.

4. Письменный и устный перевод различаются также и «направлением» перевода, то есть характером соотношения участвующих в акте коммуникации языков. В письменном переводе соотношение языков постоянное, перевод осуществляется всегда «в одну сторону» (например, с английского языка на русский), в то время как в устном переводе это соотношение языков и «направление» перевода могут меняться, как в случае двустороннего перевода беседы (каждый из коммуникантов последовательно).

Это две основные классификации видов переводческой деятельности. Использование иных критериев может привести к созданию других классификаций перевода [8]. Виды перевода можно классифицировать по следующим критериям:

- по участию человека в процессе перевода («машинный перевод» в противопоставлении переводу с участием человека);
- по типу и однородности использованных в процессе коммуникации семиотических систем (межсемиотический перевод и внутрисемиотический перевод, в рамках внутрисемиотического перевода различают межъязыковой перевод и внутриязыковой перевод).

Одновременное использование всех критериев дает возможность построить всеобъемлющую классификацию видов переводческой деятельности.

Вопросы для контроля и самоконтроля

1. На чем основаны две основные классификации видов переводческой деятельности?

2. Каково ключевое отличие художественного перевода от информативного?

3. В чем состоят отличия письменного перевода от устного?

4. Чем отличается синхронный перевод от последовательного?

5. Какие еще основания могут быть положены в основу классификации видов переводческой деятельности?

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ

1. Проблема переводимости.
2. Понятие переводческой эквивалентности.
3. Иерархическая модель эквивалентности В. Н. Комиссарова.

Проблема переводимости

В современной теории перевода термин «эквивалентность» обозначает соответствие текста перевода тексту оригинала. Понятие переводческой эквивалентности включает представление о результате перевода, максимально близком к оригиналу, и представление о средствах достижения этого результата.

Необходимо отметить, что на протяжении истории время от времени сомнение в возможности перевода вообще, поэтому понятию «эквивалентность» предшествует понятие «переводимость». Под **переводимостью** понимается принципиальная возможность перевести текст.

Сторонниками принципиальной непереводаемости выступали ученые и философы, придерживавшиеся позиций отождествления языка и мышления (В. Гумбольдт, Л. Вайсбергер, Э. Сепир, Б. Уорф) и утверждавшие, что каждый язык содержит уникальную «картину мира», определяющую мировосприятие говорящих на этом языке.

Философия языка эпохи Просвещения (Декарт, Лейбниц, Вольф) наоборот манифестировала принцип абсолютной переводимости, утверждая, что все языки есть лишь вариации некоего общего *lingua universalis* и для перевода важна лишь общность понятий. Этот принцип нашел свое продолжение и развитие в теории универсалий Н. Хомского и в опоре на денотативную функцию языка.

С течением времени и развитием знаний о языке выяснилось, что ни стопроцентная передача информации, ни стопроцентное воспроизведение единства текста через перевод невозможны. Поэтому наиболее обоснованным представляется принцип относительной переводимости, предложенный В. Коллером: «Взаимообусловленная связь: язык (отдельно взятый язык) – мышление-восприятие действительности – представляется динамичной и постоянно меняющейся. Границы, которые устанавливают для познания язык и интерпретации действительности, оформленные с помощью языка, сразу находят свое отражение в процессе познания, они изменяются и расширяются; эти изменения, в свою очередь, отпечатываются в языке (языковом употреблении): языки и, соответственно, носители языков обладают креативностью (креативность языка). Эта креативность выражается, среди прочего, и в методах перевода, с помощью которых заполняются пробелы в лексической системе ПЯ. Следовательно, переводимость не только относительна, но и всегда прогрессивна: «переводя, мы одновременно повышаем переводимость языков» [1]. Итак, перевод принципиально возможен, но при этом перевод не есть абсолютное тождество с оригиналом. Таким образом, переводческая эквивалентность предусматривает достижение максимального подобия.

Понятие «переводческая эквивалентность»

Одна из главных задач переводчика заключается в максимально полной передаче содержания оригинала, и, как правило, фактическая общность содержания оригинала и перевода весьма значительна.

Следует различать *потенциально достижимую эквивалентность*, под которой понимается максимальная общность содержания двух разноязычных текстов, допускаемая различия-

ми языков, на которых созданы эти тексты, и *переводческую эквивалентность* – реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода. *Пределом переводческой эквивалентности* является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала при переводе, но в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной.

Различия в системах ИЯ и ПЯ и особенностях создания текстов на каждом из этих языков в разной степени могут ограничивать возможность полного сохранения в переводе содержания оригинала. Поэтому переводческая эквивалентность может основываться на сохранении (и соответственно утрате) разных элементов смысла, содержащихся в оригинале. В зависимости от того, какая часть содержания передается в переводе для обеспечения его эквивалентности, различаются разные уровни (типы) эквивалентности. На любом уровне эквивалентности перевод может обеспечивать межъязыковую коммуникацию.

Одной из наиболее известных концепций эквивалентности является концепция, предложенная Юджином Найдой. Он предлагает различать два вида эквивалентности: формальную и динамическую [7].

Формальная эквивалентность «ориентирована на оригинал» и достигается обязательным сохранением части речи при переводе, отсутствием членения или перестановки членов предложения оригинала, сохранением пунктуации, разбивки на абзацы, применением принципа конкорданса (т. е. перевод определенного слова всегда одним и тем же соответствием). Все идиомы калькируются, любые отклонения от буквы оригинала объясняются в сносках и т. п. Другими словами, формальная эквивалентность не предполагает использования при переводе каких бы то ни было трансформаций, что на практике невозможно, так как при такой эквивалентности перевод не может быть есте-

ственным. С позиций такой формальной ориентации необходимо стремиться к тому, чтобы сообщение на языке перевода как можно ближе соответствовало различным элементам языка источника. Это означает, что сообщение на культурном уровне языка перевода постоянно сравнивается с сообщением на культурном фоне языка оригинала, с целью определить критерий точности и правильности. При таком виде перевода переводчик пытается буквально воспроизвести форму и содержание.

Перевод, цель которого создать не формальную, а динамическую эквивалентность, базируется на «принципе эквивалентного эффекта». При таком переводе стремятся создать динамическую связь между сообщением и получателем на языке перевода, которая была бы такой же, как связь, существующая между сообщением и получателем на языке оригинала. Это естественность способов выражения. Динамическая эквивалентность «ориентирована на реакцию Рецептора» и стремится обеспечить равенство воздействия на читателя перевода. Это предполагает адаптацию лексики и грамматики, чтобы перевод звучал так, «как автор написал бы на ином языке».

Эквивалентность – сохранение относительного равенства смысловой, семантической, стилистической и функциональной – коммуникативной информации [2]. Перевод, осуществляемый на уровне, необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ, является переводом эквивалентным.

Однако, говоря о максимальном подобии, мы хотим представлять себе условия достижения эквивалентности. И тогда обнаруживается, что эквивалентность – понятие комплексное; для ее описания исследователи применяют целую палитру параметров. В. Коллер, например, называет 5 факторов, задающих определенные условия достижения эквивалентности:

1. Внеязыковое понятийное содержание, передаваемое с помощью текста, – и ориентированная на него денотативная эквивалентность.

2. Передаваемые текстом коннотации, обусловленные стилистическими, социолектакльными, географическими факторами, и ориентированная на них коннотативная эквивалентность.

3. Текстовые и языковые нормы и ориентированная на них тексто-нормативная эквивалентность.

4. Реципиент (читатель), на которого должен быть «настроен» перевод, – прагматическая эквивалентность.

5. Определенные эстетические, формальные и индивидуальные свойства текста и ориентированная на них формально-эстетическая эквивалентность [1].

Все эти факторы отразились в разнообразных концепциях эквивалентности.

Иерархическая модель переводческой эквивалентности В. Н. Комиссарова

Теория уровней эквивалентности – это модель переводческой деятельности, основанная на предположении, что отношения эквивалентности устанавливаются между аналогичными уровнями текстов оригинала и перевода. Основой этой модели является выделение в содержании текста ряда последовательных уровней, отличающихся по характеру информации, передаваемой от Источника к Рецептору.

По Р. Якобсону, высказывание может быть ориентировано на одну из составляющих вербальной коммуникации:

Отправитель (эмотивная)

Адресат (побудительная)

Референт (содержание)

Канал связи (контакт)

Код (о самом языке)

Сообщение (его форма – поэтическая)

В. Н. Комиссаров выделил пять уровней эквивалентности:

I. Любой текст выполняет какую-то коммуникативную функцию: сообщает какие-то факты, выражает эмоции, устанавливает контакт между коммуникантами, требует от Рецептора какой-то реакции или действий. Часть содержания текста (высказывания), указывающая на общую речевую функцию текста в акте коммуникации, составляет его *цель коммуникации*. Цель коммуникации представляет собой наиболее общую часть содержания высказывания, свойственную высказыванию в целом и определяющую его роль в коммуникативном акте [3]. Текст может последовательно или одновременно выполнять несколько коммуникативных функций, но он не может не иметь в своем содержании функциональной задачи (цели коммуникации), в противном случае он перестанет быть актом коммуникации.

Эквивалентность переводов первого типа заключается в сохранении только той части содержания оригинала, которая составляет цель коммуникации:

=> Maybe there is some chemistry between us that doesn't mix. – Бывает, что люди не сходятся характерами.

Здесь цель коммуникации заключалась в передаче переносного значения, которое и составляет главную часть содержания высказывания, на основе которого и возникает коммуникативный эффект. При переводе образность, пусть «иными» словами и с меньшей степенью образности.

=> That's a pretty thing to say. – Постыдился бы.

В этом случае цель коммуникации заключается в выражении эмоций говорящего, который возмущен предыдущим высказыванием собеседника. Для воспроизведения в переводе этой цели переводчик использовал одну из стереотипных фраз, выражающих возмущение в русском языке, хотя составляющие ее языковые средства не соответствуют единицам оригинала.

=> Those evening bells, those evening bells, how many a tale their music tells. – Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит он.

И, наконец, в последнем примере общей функцией оригинала, которую переводчик стремится всеми средствами сохранить, является поэтическое воздействие, основанное на звукописи, рифме и размере.

Первый тип эквивалентности характеризуется следующими признаками:

1) несопоставимость лексического состава и синтаксической организации;

2) невозможность связать лексику и структуру оригинала и перевода отношениями семантического перефразирования или синтаксической трансформации;

3) отсутствие реальных или прямых логических связей между сообщениями в оригинале и переводе, которые позволили бы утверждать, что в обоих случаях «сообщается об одном и том же»;

4) наименьшая общность содержания оригинала и перевода по сравнению со всеми иными переводами, признаваемыми эквивалентными.

Переводы на таком уровне эквивалентности выполняются, если более детальное воспроизведение содержания невозможно, или когда такое воспроизведение приведет Рецептора перевода к неправильным выводам, вызовет у него совсем другие ассоциации, чем у Рецептора оригинала, и тем самым помешает правильной передаче цели коммуникации.

II. Во втором типе эквивалентности общая часть содержания оригинала и перевода не только передает одинаковую цель коммуникации, но и отражает одну и ту же *внеязыковую ситуацию*.

Ситуация – это совокупность объектов и связей между объектами, описываемая в высказывании. Любой текст соотно-

сен с какой-то реальной или воображаемой ситуацией. Более полное воспроизведение содержания оригинала во втором типе эквивалентности по сравнению с первым типом не означает передачи всех смысловых элементов оригинала. Обозначаемая ситуация представляет собой сложное явление, которое не может быть описано в одном высказывании целиком. Каждое высказывание описывает соответствующую ситуацию путем указания на какие-то отдельные ее признаки. Одна и та же ситуация может описываться через различные комбинации присущих ей особенностей. Следствием этого является возможность и необходимость отождествления ситуаций, описываемых с разных сторон. В языке появляются наборы высказываний, которые воспринимаются носителями языка как синонимичные («означающие то же самое»), несмотря на полное несовпадение составляющих их языковых средств. Общность их содержания всецело основывается на экстралингвистическом опыте коммуникантов. Из реального опыта нам известно, что, для того чтобы человека можно было увидеть в данном месте, необходимо, чтобы он туда пришел, т. е. там был, находился. Отсюда следует, что высказывания «Она там почти не бывает» и «Мы ее там редко видим» означают «одно и то же». В самих же описаниях нет или почти нет общих семантических признаков (общих сем), которые бы оправдывали приравнение их содержания.

В связи с этим возникает необходимость различать сам факт указания на ситуацию и *способ ее описания*, т.е. *часть содержания высказывания, указывающую на признаки ситуации, через которые она отражается в высказывании.*

Идентификация ситуации – это отражение в содержании высказывания какой-то реальной ситуации путем одного из возможных способов ее описания.

Способ описания ситуации – это отражение в содержании высказывания тех признаков ситуации, которые использо-

ваны для ее идентификации и обобщены в виде содержательных категорий.

Для второго типа эквивалентности характерна идентификация в оригинале и переводе одной и той же ситуации при изменении способа ее описания. Вот несколько примеров переводов такого типа:

⇒ He answered the telephone. – Он снял трубку.

⇒ You are not fit to be in a boat. – Тебя нельзя пускать в лодку.

⇒ You see one bear, you have seen them all. – Все медведи похожи друг на друга.

Для отношений между оригиналами и переводами этого типа характерно:

1) несопоставимость лексического состава и синтаксической организации;

2) невозможность связать лексику и структуру оригинала и перевода отношениями семантического перефразирования или синтаксической трансформации;

3) сохранение в переводе цели коммуникации, поскольку, как мы уже установили, сохранение доминантной функции высказывания является обязательным условием эквивалентности;

4) сохранение в переводе указания на ту же самую ситуацию, что доказывается существованием между разноязычными сообщениями прямой реальной или логической связи, позволяющей утверждать, что в обоих случаях «сообщается об одном и том же».

Широкое распространение в переводах эквивалентности второго типа объясняется тем, что в каждом языке существуют предпочтительные способы описания определенных ситуаций, которые оказываются совершенно неприемлемыми для других языков. Теоретически можно по-разному предупредить о свежеокрашенном предмете, но по-русски обязательно напишут: => «Осторожно, окрашено», а по-английски – «Wet paint».

Таким образом, несмотря на экстралингвистический характер ситуации, ее идентификация в высказывании обладает рядом особенностей, специфичных для каждого языкового коллектива. Такие особенности оказывают влияние на характер эквивалентности при передаче этой части содержания оригинала.

III. Третий тип эквивалентности может быть охарактеризован сохранением в переводе цели коммуникации, ситуации и способа ее описания. В пределах одного способа описания ситуации возможны различные виды семантического варьирования. Этот тип эквивалентности может быть охарактеризован следующими примерами:

=> *Scrubbing makes me bad-tempered.* – От мытья полов у меня настроение портится.

=> *London saw a cold winter last year.* – В прошлом году зима в Лондоне была холодной.

=> *That will not be good for you.* – Это может для вас плохо кончиться.

Сопоставление оригиналов и переводов этого типа обнаруживает следующие особенности:

1) отсутствие параллелизма лексического состава и синтаксической структуры;

2) невозможность связать структуры оригинала и перевода отношениями синтаксической трансформации;

3) сохранение в переводе цели коммуникации и идентификации той же ситуации, что и в оригинале;

4) сохранение в переводе общих понятий, с помощью которых осуществляется описание ситуации в оригинале, т. е. сохранение той части содержания исходного текста, которую мы назвали «способом описания ситуации».

Если в предыдущих типах эквивалентности в переводе сохранялись сведения относительно того, «для чего сообщается содержание оригинала» и «о чем в нем сообщается», то здесь

уже передается и «что сообщается в оригинале», т. е. какая сторона описываемой ситуации составляет объект коммуникации.

В пределах одного способа описания ситуации возможны различные виды семантического варьирования. Варьирование семантической организации высказывания создает синонимичные структуры, связанные значительной общностью наборов сем.

Наиболее часто отмечаются следующие виды семантического варьирования:

1) степень детализации описания;

Описание ситуации избранным способом может осуществляться с большими или меньшими подробностями. Ср.:

⇒ Он постучал и вошел. – Он постучал и вошел в комнату.

⇒ Я не могу его сдвинуть. – Я не могу его сдвинуть с места.

Нередко соотношение эксплицитного и имплицитного в сообщении определяется особенностями функционирования данной языковой системы.

⇒ I saw there was a question asked. – Я видел в газетах, что был запрос.

⇒ They lay watching. – Они лежали и следили за Ферзом;

2) способ объединения описываемых признаков в сообщении.

Каждый язык налагает свои ограничения на возможности сочетания отдельных понятий в составе сообщения. Различие закономерностей построения сообщений часто делает структуру сообщения в одном языке как бы «алогичной» с точки зрения носителей другого языка, вызывая необходимость семантического перефразирования при переводе. Так, в английском предложении *He was thin and tentative as he slid his birth certificate from Puerto Rico across the desk* соединение постоянного (thin) и временного признака (tentative) сочинительным союзом необычно для русского языка, особенно в связи с придаточным времени. (Ср.: «Он был худым и неуверенным, когда протягивал...»);

3) направление отношений между признаками.

При описании ситуации с различных точек зрения синонимичные сообщения могут быть связаны отношениями конверсивности: «Профессор принимает экзамен у студентов. Студенты сдают экзамен профессору». Крайним случаем такого различия являются отношения противоположности, когда синонимичность двух сообщений основывается на утверждении признака в одном из них и отрицании противоположного признака в другом: «Он всегда об этом помнит. – Он никогда об этом не забывает». Аналогичные отношения часто обнаруживаются и между оригиналами и переводами рассматриваемого типа.

=> He drove on. They had their backs to the sunlight now. – Он повел машину дальше. Теперь солнце светило им в спину;

4) распределение отдельных признаков в сообщении.

Распределение отдельных признаков в сообщении. Эквивалентные сообщения, относящиеся к одному и тому же способу описания ситуации, могут отличаться друг от друга и распределением признаков по отдельным частям сообщения.

Возможность объединения и последовательность описания признаков оказывается порой неодинаковой в разных языках. В таких случаях порядок следования признаков в тексте перевода может быть иным, чем в оригинале, например:

⇒ Remarkable constitution, too, and lets you see it: great yachtsman. (J. Galsworthy) – ... Он отличный яхтсмен, великолепно сложен и умеет это показать (пер. Ю. Корнеева и П. Мелковой).

Особо следует отметить возможность перераспределения признаков между соседними сообщениями.

В описанных выше трех типах эквивалентности общность содержания оригинала и перевода заключалась в сохранении основных элементов содержания текста. В следующих двух типах эквивалентности смысловая общность оригинала и перевода включает не только сохранение цели коммуникации, указания

на ситуацию и способа ее описания, но и максимально возможную близость значений соотнесенных синтаксических и лексических единиц. Здесь уже сохраняются сведения не только «для чего», «о чем» и «что» говорится в тексте оригинала, но отчасти и «как это говорится».

IV. В четвертом типе эквивалентности, наряду с тремя компонентами содержания, которые сохраняются в третьем типе и использованием в переводе синтаксических структур, аналогичных структурам оригинала или связанных с ними отношениями синтаксического варьирования, что обеспечивает максимально возможную передачу в переводе значения синтаксических структур оригинала.

Структурная организация оригинала репрезентирует определенную информацию, входящую в общее содержание переводимого текста. Синтаксическая структура высказывания обуславливает возможность использования в нем слов определенного типа в определенной последовательности и с определенными связями между отдельными словами, а также во многом определяет ту часть содержания, которая выступает на первый план в акте коммуникации. Поэтому максимально возможное сохранение синтаксической организации оригинала при переводе способствует более полному воспроизведению содержания оригинала. Кроме того, синтаксический параллелизм оригинала и перевода дает основу для соотнесения отдельных элементов этих текстов, оправдывая их структурное отождествление коммуникантами.

=> I told him what I thought of her. – Я сказал ему свое мнение о ней.

=> He was never tired of old songs. – Старые песни ему никогда не надоедали.

Сопоставительный анализ обнаруживает значительное число переводов, у которых существует параллелизм синтаксической организации по отношению к оригиналу. Использование

в переводе аналогичных синтаксических структур обеспечивает инвариантность синтаксических значений оригинала и перевода. Особенно важным оказывается обеспечение подобного параллелизма при переводе текстов государственных или международных актов, где перевод часто получает правовой статус оригинала, т.е. оба текста имеют одинаковую силу. Стремление к сохранению синтаксической организации текста без труда обнаруживается и при сопоставлении с оригиналом переводов произведений иного типа, в том числе и художественных.

При невозможности полностью сохранить синтаксический параллелизм используются структуры, связанные с аналогичной структурой отношениями синтаксического варьирования.

В четвертом типе эквивалентности отмечаются три основных вида такого варьирования:

1) использование синонимичных структур, связанных отношениями прямой или обратной трансформации.

Из ядерной структуры можно вывести (свести к ней) ряд синонимических структур при помощи синтаксических трансформаций. Основное логико-синтаксическое значение сохраняется, но каждая из них имеет и собственное синтаксическое значение. Различия между значениями противопоставленных друг другу форм в пределах одной синтаксической категории или одного типа предложения. Это могут быть и разнотипные структуры, объединенные общим смыслом. Во всех подобных случаях содержание высказывания имеет значительную общность, отличаясь лишь дополнительной информацией, содержащейся в каждой отдельной структуре. Иногда эта информация может оказаться важной для содержания высказывания, особенно когда она указывает на стилистическую маркированность (Had a positive decision been taken at the General Assembly. «Приди ты на часок раньше, все было бы в порядке»).

В большинстве случаев замена одного члена синонимического ряда структур другим не влечет за собой существенного

изменения общего содержания высказывания. Поэтому применение в переводе синонимичной структуры в рамках четвертого типа эквивалентности с достаточной полнотой сохраняет значение синтаксической структуры оригинала;

2) использование аналогичных структур с изменением порядка слов.

Использование в переводе аналогичной структуры часто оказывается возможным лишь при изменении порядка следования слов.

К функциям порядка слов в предложении относится оформление определённой грамматической категории, обеспечение смысловой связи между частями высказывания и соседними высказываниями, указание на эмоциональный характер высказывания. Если в ИЯ и ПЯ эти функции выполняются по-разному, это ведёт к несовпадению порядка слов в эквивалентных высказываниях с аналогичной синтаксической структурой.

ЕХ. Порядок слов фиксирован правилами построения английских предложений. Вопрос в коммуникативном членении высказывания – в АЯ для этого использованы артикли.

A meeting (рема) in defense of peace was held in Trafalgar Square yesterday.

В русском языке коммуникативный центр сообщения тяготеет к концу предложения.

Вчера на Трафальгар-сквер состоялся митинг в защиту мира (рема).

The (тема) meeting in defense of peace in Trafalgar Square condemned the apartheid policy in South Africa (рема). – в этом случае при переводе на русский язык можно сохранить порядок слов, поскольку паттерн коммуникативное членение высказывания совпадает: *Митинг в защиту мира на Трафальгар-сквер осудил политику апартеида в Южной Африке.*

Изменение порядка слов может обеспечивать связь между соседними высказываниями.

Experience changed the ideas of this British officer. American airmen started the process of “brain-washing”. He saw them machine-gun a road full of refugees.

«Опыт изменил образ мыслей этого английского офицера. *Американские летчики* положили начало процессу «прозрения». Он видел, как они обстреливали из пулеметов дорогу, забитую беженцами».

Опыт изменил образ мыслей этого английского офицера. *Начало процессу «прозрения»* положили американские летчики. Он видел, как они обстреливали из пулеметов дорогу, забитую беженцами.

В АЯ инверсия используется для выражения эмоциональной характеристики высказывания.

При переводе на РЯ инверсия перестает играть свою роль, поэтому используются другие средства.

Нim I have never seen. Я его никогда *и в глаза* не видел;

3) использование аналогичных структур с изменением типа связи между ними.

Здесь возможно варьирование между простыми, сложно-подчиненными и сложносочиненными предложениями. Различие между типами предложений имеет определенную коммуникативную значимость. «Начался дождь. Мы пошли домой», «Начался дождь, и мы пошли домой», «Мы пошли домой, потому что начался дождь» (неодинаковая причинная связь между событиями, степень их самостоятельности, степень экспрессивности). Смысловые и стилистические функции одинаковых типов предложений в разных языках могут не совпадать, в результате чего эквивалентность при переводе будет устанавливаться между предложениями разных типов, но с идентичной внутренней структурой. Иначе говоря, в переводе будут отмечаться изменения типа и числа (в обе стороны) самостоятельных предложений.

Иногда изменение типа связи между структурами происходит в обоих направлениях и приводит к грамматическому и смысловому перераспределению элементов высказывания. Синтаксическое варьирование в рамках эквивалентности четвертого типа может носить комплексный характер, когда при переводе одновременно изменяются синтаксические структуры, порядок слов и тип синтаксического целого.

Отношения между оригиналами и переводами четвертого типа эквивалентности характеризуются следующими особенностями:

1) значительным, хотя и неполным параллелизмом лексического состава – для большинства слов оригинала можно отыскать соответствующие слова в переводе с близким содержанием;

2) использованием в переводе синтаксических структур, аналогичных структурам оригинала или связанных с ними отношениями синтаксического варьирования, что обеспечивает максимально возможную передачу в переводе значения синтаксических структур оригинала;

3) сохранением в переводе всех трех частей содержания оригинала, характеризующих предыдущий тип эквивалентности: цели коммуникации, указания на ситуацию и способа ее описания.

V. В последнем, пятом, типе эквивалентности достигается максимальная степень близости содержания оригинала и перевода, которая может существовать между текстами на разных языках. Этот тип характеризуется сохранением в переводе всех основных частей содержания оригинала, к которым добавляется максимально возможная общность отдельных сем, входящих в значения соотнесенных слов в оригинале и переводе.

Этот тип эквивалентности обнаруживается в следующих примерах:

=> I saw him at the theatre. – Я видел его в театре.

=> The house was sold for 10 thousand dollars. – Дом был продан за 10 тысяч долларов.

Семантика слов, входящих в высказывание, составляет важнейшую часть его содержания. Слово в качестве основной единицы языка представляет собой сложный информативный комплекс, отражающий различные признаки обозначаемых объектов, отношение к ним членов говорящего коллектива (коннотативное значение слова) и семантические связи слова с другими единицами словарного состава языка (внутрилингвистическое значение слова). В последнем, пятом типе эквивалентности достигается максимальная степень близости содержания оригинала и перевода, которая может существовать между текстами на разных языках.

В семантике слова могут выделяться качественно различные компоненты, каждый из которых может быть воспроизведен средствами иного языка, но зачастую не все сразу – при сохранении одних утрачиваются другие. Эквивалентность обеспечивается за счёт воспроизведения коммуникативно доминантных элементов смысла, передача которых необходима и достаточна для коммуникации.

Некоторые потери информации, не препятствующие отношениям эквивалентности пятого типа, отмечаются в каждом из трех основных аспектов семантики слова: предметно-логическом (денотативном), коннотативном и внутрилингвистическом. Так, может отмечаться разное количество сем эквивалентных слов в оригинале и переводе, поскольку в них отражены неодинаковые признаки обозначаемого класса объектов.

⇒ Ср.: ошибка – error, mistake; убить – kill, assassinate, murder, slay.

Закрепляя в значениях слов разные признаки обозначаемых предметов, каждый язык как бы создает свою «картину мира». Вследствие различий в норме и узусе ИЯ и ПЯ отказ от использования в переводе самого близкого по смыслу соот-

ветствия слову оригинала отмечается регулярно, препятствуя полной реализации эквивалентности пятого типа.

⇒ She knew that he had risked Ms Neck to help her («орусски» рискуют не шеей, а головой).

⇒ She slammed the door *into his face*. – Она захлопнула дверь у него *перед носом*.

Нередко использование ближайшего соответствия вполне возможно, но более узуальным оказывается иной вариант.

Наибольшую роль в передаче *коннотативного аспекта семантики* слова оригинала играют его эмоциональный, стилистический и образный компоненты.

Эмоциональный компонент – положительное или отрицательное отношение, заключенное в лексеме. В следующих парах английских и русских слов первое слово нейтрально, а второе – эмоционально маркировано:

⇒ dog – doggie, cat – pussy, womanly – womanish, smell – fragrance; кошка – кошечка, буржуа – буржуй, ребячий – ребяческий, сидеть – рассесться.

Обычно бывает возможным подобрать в ПЯ слово, выражающее такое же одобрительное или неодобрительное отношение, какое выражено в слове ИЯ. Сохранение такой эмоциональной окраски при переводе очень важно, поскольку в противном случае перевод будет неэквивалентным.

Стилистическая характеристика. Нередко соответствующие друг другу по основному содержанию слова двух языков принадлежат к разным типам речи, и стилистический компонент значения слова оригинала оказывается утраченным в переводе:

⇒ serge – сержант, окрутить – to marry, умеючи – skillfully и т. д. При использовании подобных соответствий нарушается эквивалентность стилистической характеристики слов в оригинале и переводе. Такое нарушение может быть легко компенсировано, поскольку, подобно эмоциональной характеристике, стилистический компонент значения слова стилистически

окрашивает не только само слово, но и высказывание в целом как принадлежащее к определенному типу речи.

Воспроизведение ассоциативно-образного значения. В семантике слов с подобным компонентом значения подчеркивается какой-либо признак, который по каким-то причинам выделяется в объекте мысли. Такие слова, как правило, особому воздействию на рецепторы, поэтому ассоциативно-образное значение важно сохранить (передать) при переводе.

Здесь можно отметить три разных степени близости образных слов двух языков:

1. Соответствующие слова в ИЯ и ПЯ могут обладать одинаковыми ассоциативно-образными характеристиками. В подобных случаях при переводе достигается высшая степень эквивалентности в передаче этого компонента семантики слова.

⇒ Ср. *brave as a lion* – «храбрый, как лев», *obstinate as a mule* – «упрямый, как осел».

2. Соответствующей ассоциативно-образной характеристикой обладают разные слова, в оригинале и переводе не являющиеся эквивалентами друг другу.

⇒ Ср. *thin as a rake* – «худой, как щепка», *strong as a horse* – «сильный, как бык», *stupid as a goose* – «глуп, как пробка» и т. д.

В подобных случаях воспроизведение образного компонента значения достигается, как правило, путем замены образа.

3. Признак, выделяемый в образном компоненте слова в оригинале, не выделяется в словах ПЯ. Нередко бывает, что в ПЯ вообще нет образа на такой основе, на которой он создан в ИЯ. В таких случаях воспроизведение этой части значения слова возможно лишь частично, на более низком уровне эквивалентности или невозможно вовсе и в переводе образ утрачивается:

⇒— ‘Cat’. With that simple word Jean closed the scene.

– Злючка, – отпарировала Джин, и это простое слово положило конец сцене.

В русском языке слово «кошка» не несет в себе таких ассоциаций, и потому переводчиком произведена замена данной лексемы.

Внутрилингвистическое значение слова (семантические связи слова с другими единицами словарного состава языка).

Любое слово находится в сложных и многообразных семантических отношениях с другими словами данного языка, и эти связи отражаются в его семантике. Необходимость воспроизвести компоненты внутрилингвистического значения слова в переводе возникает лишь тогда, когда это значение выступает в оригинале на первый план, и тем его компоненты становятся коммуникативно важными. В этом случае передача таких значений становится обязательным условием достижения эквивалентности.

Одним из компонентов внутрилингвистического значения слова является отражение в семантике слова значений отдельных морфем, составляющих это слово. Как правило, определенное сочетание морфем приобретает особое значение, выступая в качестве единого целого. Однако эти значения всегда присутствуют в семантике слова в целом и при желании могут быть выдвинуты на первый план.

Однако морфемная структура слова может играть смысловую роль в оригинале и составлять часть содержания, которое необходимо воспроизвести в переводе. Эквивалентное воспроизведение этого элемента значения будет возможно лишь при совпадении строения соответствующих слов в ИЯ и ПЯ.

⇒ He looked surprisingly young to Eric, who had always assumed that the nation's *elders* were really *old*. – Он выглядел очень молодо к большому удивлению Эрика, который всегда считал, что *старейшины* страны и на самом деле были *стариками*.

Когда игра слов, основанная на значении входящих в слово морфем, составляет главное содержание высказывания, для достижения эквивалентности при переводе она воспроизводится путем обыгрывания морфемного состава иных единиц в ПЯ. Это

связано с потерями в воспроизведении других элементов смысла, так что эквивалентность обеспечивается лишь в отношении наиболее важной части содержания оригинала.

Другой способ передачи словообразовательного значения слова оригинала заключается в воспроизведении значений составляющих морфем в виде отдельных слов в переводе.

В целом, передача этого компонента значения слова часто связана с определенными потерями.

Аналогичные ограничения существуют и при передаче в переводе связи между отдельными значениями многозначного слова. Обычно слово употребляется в оригинале лишь в одном из своих значений. После того как Рецептор выбрал из значений, которыми обладает слово, то, которое воспроизведено Источником в данном случае, наличие у слова иных значений становится нерелевантным. Задача воспроизведения многозначности слова оригинала возникает лишь тогда, когда эта многозначность используется Источником для передачи какой-то дополнительной информации.

Значительно меньшая степень эквивалентности достигается в тех случаях, когда соответствующее слово в ПЯ не обладает необходимой многозначностью. При этом приходится либо отказаться от воспроизведения этого компонента, либо воспроизводить его в семантике иного слова, т. е. за счет менее точной передачи других компонентов содержания оригинала.

Вопросы для контроля и самоконтроля

1. В чем заключается проблема переводимости?
2. Что понимается под переводческой эквивалентностью? Какие виды эквивалентности различают?
3. Почему модель эквивалентности В. Н. Комиссарова иерархична?

4. Что является наиболее существенной составляющей высказывания и почему?

5. Что понимается под «идентификацией ситуации» и «способом описания ситуации»?

6. Что понимается под семантическим варьированием? Какие виды семантического варьирования имеют место при переводе?

7. Каковы признаки четвертого типа эквивалентности?

8. Каковы функции порядка слов в предложении?

9. Какие виды синтаксического варьирования имеют место при эквивалентности четвертого типа?

10. Почему пятый уровень эквивалентности демонстрирует максимальную степень близости содержания оригинала и перевода?

11. Какие компоненты релевантные при переводе включает семантическая структура слова?

12. Какой компонент коннотативного аспекта значения слова наиболее важно сохранить при переводе?

13. Охарактеризуйте три степени близости образных слов в двух языках.

14. При передаче какого компонента значения слова чаще всего встречаются потери при переводе?

15. Когда возникает необходимость воспроизвести компоненты внутрилингвистического значения слова в переводе?

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ ПО ПЕРЕВОДУ

Текст 1

How America settled on a 5-day workweek

The U.S. Congress is debating shortening the official work week to 4 days. Here's a look at how clocking in for 8 hours a day, 5 days a week became the norm.

by Erin Blakemore, published March 24, 2023

Should the U.S. adopt a four-day workweek? The question has been a hot-button issue for years, and legislators recently reintroduced a potential law that would take the U.S. workweek from a maximum of 40 to just 32 hours

But as you consider what you'd do with an extra day off every week, you may wonder why so many Americans are required to work 40 hours to begin with – or why Saturday and Sunday are considered sacred days off. Here's how those concepts became workplace norms.

Why we work five-day weeks

For centuries, U.S. employers expected their workers to put in lengthy workweeks. But in the early 19th century many began to grant one exception: Sunday. This was largely due to lobbying by Sabbatarians, Christians who successfully pushed for laws that forced first post offices, then other businesses to close on the Sabbath. They argued that the Sixth Commandment required Christians to abstain from travel, work, or even recreation on this holy day.

But Jewish workers observed their Sabbath on Saturday, not Sunday, and this created conflict at workplaces. By the early 20th century, some factories started closing on both Saturday and Sunday to accommodate their workers' religious beliefs.

But it would take Henry Ford to conduct the first widespread trial of the concept. In 1922, the industrialist told employees he was instituting a 40-hour, five-day workweek and that his automotive plants would be closed Saturdays and Sundays. The shorter week did not come with the same amount of pay; rather, Ford set a daily wage that constituted a pay cut for workers accustomed to working longer weeks.

The plan sparked a nationwide controversy about weekends – and lots of opposition from employers and newspapers like the *New York Herald*, which in 1922 scoffed that “The Ford plan is joyous news to all who like to think of bringing work down to the irresistible minimum.” But Ford’s experiment was a success: He boasted that his factories remained equally productive, while the reduced hours allowed workers to spend more of their hard-earned dollars in their communities. He even claimed the change filled church pews. Soon, other big businesses followed suit, pushed along by the labor movement, and by the 1930s the five-day workweek was the norm.

Why we work 8-hour days

At the dawn of the Industrial Revolution in the late 18th century, long workdays were expected in European nations whose economies were being transformed by factories and technological progress. This resulted in more work – and more labor exploitation.

“The factory children, rising in the morning long before the sun or the dawn of the day, some without shoes or stockings, might be seen dragging their weary bodies through the rain and snow along the streets of Christian Manchester,” wrote Samuel H. G. Kidd in an 1857 history of the British labor movement.

But in the 1830s workers began to demand legislation that limited working hours. “Short Time Committees” held hearings throughout England, advocating for a 10-hour workday, and finally prevailed in 1847 with the Factories Act.

These victories inspired American workers, too. Many U.S. employers began to switch from 12- and even 14-hour workdays to 10-hour days like the British.

But the Civil War produced the first mass push for the eight-hour day. As soldiers returned from the war and newly freed African Americans sought jobs, labor advocates worried that these new workers would undercut wages and be exploited by employers who demanded long hours and offered low pay. So workers formed “Eight-Hour Leagues” and began pushing for “Eight hours for work, eight hours for rest, and eight hours for what we will.”

An eight-hour day would employ more people, advocates argued, and make factories more efficient. But many employers worried that more leisure would cause laziness and moral collapse among workers. “Idle days breed mischief,” argued real estate mogul James Carey Martien. “The days are too short for the worthwhile men of the world to accomplish the tasks which they set themselves.”

Despite these arguments, labor unions staged walkouts, strikes, and other rallies in favor of the eight-hour day. But though some laws resulted, most were restricted to certain professions like railroad workers and contained many loopholes and exceptions

It would take World War I, when demand for employees surged, to carve the workday down to eight hours for most workers. But it would take longer for the length of the work week to be federally regulated.

Why we work 40-hour weeks

By the 1930s, eight-hour days and five-day weeks were widely accepted – although far from universal.

In 1938, legislators passed the Fair Labor Standards Act – a landmark labor law that established the first minimum wage and banned child labor. Although the law did not set a specific number of hours an employee could work per day or days per week, it forced

employers to pay overtime to hourly employees who worked more than 44 hours a week.

“A self-supporting and self-respecting democracy can plead no justification for the existence of child labor, no economic reason for chiseling workers’ wages or stretching workers’ hours,” said President Franklin Delano Roosevelt in a 1937 speech supporting the act.

But a 40-hour workweek was always the intent of the law. As written, it gave employers two years to adjust to paying overtime. Then, in 1940, the mandated maximum was scheduled to drop to 40 hours a week, where it has remained ever since.

Why the U.S. is a ‘no-vacation nation’

In the decades since, American labor laws have expanded, covering everything from workplace safety to discrimination and union membership. But Americans still lack one reform successfully gained by labor activists in other countries: paid vacation.

The U.S. remains what analysts from the Center for Economic and Policy Research call a “no-vacation nation” – the only advanced economy with zero guaranteed vacation days for its workers. In contrast, nations like France and Australia guarantee up to 30 days’ vacation and have multiple paid holidays. The U.S. offers 11 paid holidays for federal employees – less than half of those enjoyed by Cambodians, for example, who celebrate a whopping 29 public holidays.

Any paid or guaranteed vacation time U.S. employees do receive is at the whim of employers, not the federal government. And just because an employer pays for vacation doesn’t mean U.S. employees take advantage: In one 2017 survey, 54 percent of U.S. respondents said they hadn’t used all of their vacation time. But if legislators have their way, Americans may soon have longer weekends to make up for it.

(<https://www.nationalgeographic.com/>)

Текст 2

How did England's 'lost king' end up beneath a parking lot?

He was the last English king to die in battle. A Shakespearean tragedy bears his name. But it took centuries to locate the remains of Richard III – the last ruler of the House of York.

by Erin Blakemore, published March 31, 2023

What happens when you combine a king with a despotic reputation, a woman with a royal obsession, and... a parking lot? For the filmmakers behind *The Lost King*, it's a recipe for movie magic. The film, which follows the 2012 discovery of the remains of England's King Richard III in a Leicester car park, is based on real-life events.

How did this king's body get discarded and forgotten for centuries, and how was he rescued? Here's how Richard III lived and died – and what really happened in the quest to find him.

Who was Richard III?

The Plantagenets ruled England for over 300 years, ending with Richard III. His reign lasted just over two years when he died at age 32 in the 1485 Battle of Bosworth Field, the final salvo of the War of the Roses. He was the last English king to die in battle. But for centuries, the monarch's life was deemed much more interesting than his death, due in part to William Shakespeare's portrayal of the doomed king as power-hungry despot in his play *Richard III*.

Richard was brother of King Edward IV. After Edward IV's death in 1483, Richard deposed the king's 13-year-old son, Edward V, whom he claimed was illegitimate. As the new king of England, Richard III held his nephews Edward V and 10-year-old Richard of Shrewsbury in the Tower of London and was widely thought to have had them murdered to secure his place on the throne.

Richard soon faced a revolt by his brother's supporters. Then, members of the House of Tudor rose up against him. The Battle of

Bosworth Field marked the defeat of Richard's family, the House of York – and left Richard III dead.

A royal mystery

At first, the king was entombed at Greyfriars Church at a monastery in Leicester, about 12 miles from where the battle took place. Historians long believed that when the church was dissolved as part of Henry VIII's closure of monasteries in the 1530s, the dead king's remains were scooped out of their resting place and thrown into the nearby River Soar.

For centuries, Richard's reputation was defined largely by the Shakespearean tragedy that bears his name. But a group of history buffs who call themselves Ricardians were eager to rescue his reputation – and find out where the king they revered was buried.

The search for Richard III

That's where Philippa Langley comes in. A devoted Ricardian who was working on a screenplay about the doomed monarch, Langley visited the former site of Greyfriars Church in 2004. The northernmost portion of the one-time monastery had since become a parking lot for a social services center. But Langley felt a strange sensation when she stepped into the car park.

"I just felt I was walking on Richard III's grave," she told *The Guardian* in 2013. "I can't explain it." A year later, she returned to the parking lot, then saw that one of the parking spots had been painted over with the letter R. The letter meant "reserved," but Langley took it as a sign.

Langley approached archaeologists at the University of Leicester and encouraged them to investigate the site. She wasn't the first: According to the Richard III Society, others had approached Leicester officials in the past to recommend a dig. But in 2005, the discovery of a living descendant of Richard III made such a project more feasible than ever before. If remains were found, the descendant's DNA could theoretically be used to confirm its identity.

Though University of Leicester archaeologists were unsure they'd uncover Richard during a dig at Greyfriars, they were intrigued by the prospect of learning more about the long-dismantled monastery. Langley was also a driving force, crowdfunding much of the money for the project.

In August 2012, the dig began—and within hours it was clear that the archaeologists would uncover human remains. Astonishingly, Langley was right: One of the skeletons recovered had a curved spine consistent with Richard III's known scoliosis and showed evidence of battle wounds. A rigorous investigation followed, and in February 2013 the team announced they'd definitively identified the nearly complete skeleton as that of Richard III. A paper in the journal *Nature* followed, concluding “overwhelming” evidence for the bones being those of the controversial king.

Reinterring Richard III

In 2015, Richard's story came full circle when his skeleton was reinterred, this time across the street in Leicester Cathedral. The memorial service featured a poem written by the British poet laureate Carol Ann Duffy and read by Benedict Cumberbatch, a specially commissioned coffin pall by textile artist Jacqui Binns, and even a crown designed by John Ashdown-Hill, the researcher who located the Canadian woman whose DNA was used to identify the lost king.

Though the film has brought even more acclaim to Langley and the team behind the dig, and won several awards, the story it tells has raised eyebrows among archaeologists. After *The Lost King*'s British release in late 2022, the University of Leicester held a press conference about what they say are inaccuracies in the movie – chief among them its portrayal of the university's archaeologists as naysayers who blocked Langley at every turn.

The film's portrayal of the project “is far removed from the accurate work that took place,” said a university spokesperson. “We worked closely with Philippa Langley throughout the project, and she was not sidelined by the University.” While the university recog-

nizes Langley as “the positive driving force behind the decision to dig for Richard III,” it denies that she was thwarted by its staffers.

As for Langley, she maintains that “very few of us thought it was more than an impossible, crazy dream” – one that took Ricardians and archaeologists alike from a nondescript parking lot to a royal reinterment. Today, the former resting place of the “lost king” is no longer a parking lot. It’s a visitor center with a glass floor that allows the public a view into the one-time grave – and a peek into the centuries-long saga of Richard III’s remains.

(<https://www.nationalgeographic.com/>)

Текст 3

The ongoing mystery of hiccups

Humans have long tried to cure hiccups by drinking water or getting scared. Here’s what scientists are learning about how this reflex evolved – and how to stop it.

by Alejandra Borunda, published April 5, 2023

Sierra Piseni knows hiccups.

She really, really wishes she didn’t. Hers are loud and painful, can last for hours, and have shown up more than a dozen times a month since she was a tiny baby. A bad bout feels like being punched in the chest. “It’s a nightmare,” says Piseni, a stay-at-home mom from California.

Your hiccups probably aren’t as bad as Piseni’s, but you likely recognize the dreaded sensation: a tightening in your chest, the characteristic “hic” – and the desperation to make them end. And you probably have the same question as her: “How is it possible that there isn’t a solution?”

Hiccups have roots deep in our evolutionary history. Yet after millions of years, tens of thousands of years of human problem-

solving, and decades of modern medicine, their origin and purpose is still largely opaque.

“Things like this, that are considered obvious or very simple, are often overlooked by many doctors,” says Mark Fox, a gastroenterologist at University Hospital in Zurich, Switzerland. “Swallowing, eating, drinking, what happens in normal life – none of this stuff will kill you if it doesn’t work well. But it will ruin your life!”

Slowly, researchers are chipping away at two halves of the hiccup equation: first, why they exist in the first place. And second, how on Earth can we get rid of them?

Do we hiccup because we were once fish?

Hiccups are a simple reflex, like jerking when a doctor taps your knee, and they are ubiquitous among mammals, from domestic dogs to horses to rabbits.

They’re controlled by a reflex “arc,” which carries nerve signals from the diaphragm to the brain and back again, over and over. First, something triggers the diaphragm – the sheet of muscle at the base of your lungs – to contract. It moves downward as it flexes, making space for your lungs to expand, just like a normal in-breath. But in the middle of the breath, the reflex tells your epiglottis – the little flap at the top of your throat that keeps food out of your windpipe – to snap shut. That’s the “hic” noise, and the cycle repeats until something interrupts the arc.

The initial trigger often originates from the phrenic or vagus nerves, which developed in our water-dwelling, gill-breathing fish and amphibian ancestors. The common culprit is the phrenic nerve, a long, inefficiently shaped cord that winds down the chest to the diaphragm. Its first appeared in mammals’ fishy antecedents – but theirs was short. It went straight to the gills, right next to the brain, instead of the far-off diaphragm. In modern mammals, there’s altogether too much nerve to get tickled and triggered.

The hiccup itself might have been useful when fish evolved into amphibians that lived partly on land. They needed to switch

breathing systems: gills underwater, lungs in air. The “hic” closing the ancestral epiglottis let them send water into their mouth and then to the gills without filling their lungs.

It’s a good reminder that evolution doesn’t make things perfect – it uses what it’s got at hand, says Howes.

Or maybe we hiccup because we were once babies

But given we no longer breathe underwater, why hasn’t the reflex disappeared?

Because there may be other advantages, says Dan Howes, an emergency doctor with a longstanding interest in hiccups at Queens University in Ontario, Canada. One thing (almost) all baby mammals do is suckle milk. Babies hiccup much more often than adults. As they drink milk, they also suck in extra air; maybe, Howes suggests, hiccups help clear that air from the stomach reflexively – like a self-initiated burp.

There’s some evidence that after burping, babies can take in up to 20 or 30 percent more milk, a meaningful bump in calories and “a fairly significant survival advantage,” he says.

It’s not just young infants who hiccup often (up to one percent of the whole day): Fetuses as young as 10 weeks old do, too. And they’re obviously not suckling yet.

Kimberley Whitehead, a researcher at University College London, hypothesized hiccups might help train fetuses’ brains to map out their internal body. “A baby needs to learn ‘Where is my diaphragm; where is this place I can exert control over my breathing,’” she says. Hiccups might help them “practice” breathing so they’re ready to hit the ground running when they’re born.

In one of her studies, she hooked up a suite of babies, some premature and some up to a few months old, to EEG electrodes and watched their brains as they experienced bouts of hiccups. The part of the cortex associated with the thoracic cavity – the central part of the body where our lungs and diaphragm sit – lit up during hiccups.

That signaled that the hiccups were triggering activity in the brain, helping babies “map” those muscles onto the brain.

Can someone please just help me get rid of these hiccups already?

About 4,000 people come into U.S. hospitals yearly looking for help with the mostly benign ailment, but everyone deals with them: they’re routinely one of Google’s most searched health questions.

Most cases resolve independently within two days. Longer bouts can be a sign of an underlying problem, such as a brain tumor. Longer-persisting, continuous “intractable hiccups” are also common side effects of chemotherapy treatment or steroids; more than 90 percent of cases occur in men over 50. In intractable cases, the best treatment is dealing with the underlying condition.

Doctors have tested a suite of drugs to address hiccups: some relax muscles, possibly calming a spasming diaphragm, or change the reactivity of nerves. But there’s “a lack of good quality evidence to recommend specific treatment,” neuroscientists from Loyola University in Chicago wrote in a 2018 study.

A Japanese research group uses another strategy: making people breathe in high-concentration CO₂. “Put simply, a level of CO₂ retention in the body tricks the brain into thinking it has a life-threatening emergency and makes it forget about the hiccups,” writes Toshiro Obuchi, a thoracic surgeon and hiccups expert at St. Mary’s Hospital in Japan.

But if you can’t fly to Japan to have Dr. Obuchi treat you, those old wives’ tales – like drinking a whole glass of water in one gulp to standing on your head to getting really scared – can actually work, because they share a key principle: interrupting the reflex arc so that nerves and muscles are distracted by something else, says Ali Seifi, a neurointensivist at the University of Texas, San Antonio who became obsessed with finding a cure after seeing a patient wake up with inexplicable hiccups after brain surgery.

Drinking a glass of water in one go, for example, forces your diaphragm muscle to keep creating suction continuously, which occupies the phrenic nerve, interrupting one part of the reflex. A scare forces the vagus nerve, which controls calming responses, into action, interrupting the other part of the reflex.

But Seifi has designed a more consistent tool: a straw called the Hicaway that forces the drinker to suck very hard – like drinking a thick milkshake. He hypothesizes that the effort engages both nerves, killing their ability to keep hiccups going.

Pisenti, like many long-term hiccup sufferers, hasn't ever been diagnosed with intractable hiccups; medicine doesn't always take the malady seriously. So finding the straw was a revelation. She reaches for it at the first glimmer of hiccups, and while it doesn't get rid of them *forever*, it forces them into temporary submission. "It's a life-changer," she says.

(<https://www.nationalgeographic.com/>)

Текст 4

The forgotten history of cats in the navy

Sailors embraced their feline colleagues, giving them tiny uniforms and their very own hammocks. But cats are naturally outlaws – so it couldn't last forever.

by Scot Christenso, published April 12, 2023

They had names such as Tom the Terror, Wockle, Bounce, and Dirty Face. They traveled thousands of miles on the most storied warships with some of the saltiest sailors. They were valued members of the crew, often issued custom miniature uniforms and their own tiny hammocks. Many never set a paw on dry land during their entire lives. They were the cats that served in the world's navies.

Cats have been on ships for almost as long as humans have been going to sea, and sailors have been largely responsible for spreading cats across the globe. Ancient Egyptian tomb paintings depict cats hunting from boats sailing down the Nile, while Phoenicians recognized the value of controlling the rodent population on their ships as they traded throughout the Mediterranean.

Rats and mice were a major problem on ships because they ruined the crew's food, chewed through equipment, and spread disease. Cats, with their predatory prowess, were a cheap and effective solution to any vermin infestation. The U.S. government, in an effort to protect documents from nesting rats, began to purchase clowders of cats in the 19th century, eventually supplying them to the U.S. Navy. In the United Kingdom, one of the earliest and largest cat rescue programs occurred during the First World War, when thousands of strays were rounded up in cities and given to the military. The cats supplied to the Royal Navy even received a weekly "victualing allowance" of 1 shilling and 6 pence to pay for treats from the ship's canteen.

Angels, devils, and 'furry barometers'

Early sailors believed that cats could control the weather with their tails. When feline tails twitched in a certain manner, people once reasoned, it meant the cats were angry and preparing to unleash a violent storm that would soon fall over the ship. Later sailors realized that cats twitched their tails when they were agitated by a sudden drop in air pressure, indicating that the ship was heading into unfavorable weather. Crews began to monitor all the mannerism of their ship's cats and viewed any unusual behavior as a storm warning. The felines were, in a sense, little furry barometers.

They were also a source of superstitions: Seamen preparing to sail considered it good luck when a cat chose to board their vessel. However, they feared disaster if they had a longtime ratter that decided to jump ship just prior to setting sail. Even worse, sailors

thought their fate was sealed if they saw two cats fighting on the pier: It meant that an angel and devil had already started to battle for the souls of the crew.

Nine lives on the high seas

Though cats are known for their aversion to water, they acclimated quite well to life on the sea. Unlike the “limeys” of the Royal Navy, who famously had to drink citrus juice to prevent scurvy, cats make their own vitamin C and can survive on a diet consisting of fish and mammals without needing to eat fruits and vegetables. And when rodents were in short supply, cats had different methods for catching fish for themselves. The easiest prey were the ones that simply washed up on the deck. Some cats overcame their dislike of water to become skilled divers that could snatch fish from the ocean. The cats that never got comfortable with swimming still managed to hunt by deftly knocking down fish leaping over the ship’s bow. Because cats got most of the moisture they needed from eating the fish, they did not require a lot of potable water like human sailors. In addition, cats have an excellent internal filtration system that allows them to drink a bit of sea water if necessary.

Feline companions were also important for boosting morale among homesick sailors on long voyages, providing the crew with much-needed affection and a bit of softness in the spartan environment of ship. Since cats were considered mascots to be shared by all the sailors, they also helped to create bonds among the crew.

The animals are notoriously difficult to train to do tricks, but some sailors claimed they learned to “speak cat” and were able to get their mascots to perform feats such as standing at attention, saluting, walking tight ropes, and ringing bells. This especially contributed to the U.S. Navy’s goodwill efforts in foreign ports when locals were invited for ship tours that included a brief show featuring performing cats.

Natural outlaws and political liabilities

Larger navy ships could have as many as two dozen cats that established their own territories. The one that was smart enough to claim a ship's galley usually became the fattest. Other mousers stayed in the bowels of the ship where they would not be as bothered by all the activity on the deck and the sounds of the guns. The friendliest felines were happy to stay in the berthing area where they received plenty of attention from sailors and could sleep in hammocks that reduced the swaying of the ship – after all, ship cats could get just as seasick as humans.

Following the end of the Second World War, the special position that cats held on navy ships began a rapid decline. Due to improvements in fumigation and pest control, cats became outmoded in their primary job to rid ships of vermin. Ship captains who were not cat lovers started to categorize felines as an unnecessary distraction.

A bigger problem for cats in the U.S. Navy was that they became a political and legal liability in the immediate post-WWII era. The defense budget was slashed and the Navy was downsized dramatically, alarming admirals who believed that they were being cut to the bone and left without a fleet sufficient enough to protect the nation's interests against the rising threat of communism. Members of Congress who were advocating deep defense cuts ridiculed the admirals by revealing that one ship had used resources for a three-man committee to plan a funeral for their mascot cat. It was cheap shot because the costs of keeping cats to maintain morale was nominal (and often paid by the crews themselves), but it embarrassed the admirals by giving the public the impression that the Navy was spending money frivolously.

More than anything, it was new and stricter international quarantine laws that ended the tradition of the ship's cat. Prior to the 1950s, many nations gave ship's cats special status that made them exempt from quarantine laws, allowing them to roam free in foreign ports where perhaps the worst consequence was a scrap with a local tom. The laws enacted by most countries after the war forbade cats

from leaving a ship before going through a lengthy quarantine period. If local officials caught a cat sneaking off a ship, the captain could be heavily fined or even placed under arrest.

Recognizing that cats are natural outlaws, the Navy wanted to avoid having their captains involved in legal and diplomatic dustups due to a curious cat trying to circumvent quarantine. Current U.S. Navy policy does not explicitly ban cats on ships, but the special permission that sailors now need to bring a feline friend on board is almost never granted. Most navies of the world have adopted a similar policy – except for Russia.

(<https://www.nationalgeographic.com/>)

Текст 5

How to deal with food poisoning while travelling – and how to avoid it altogether

Some countries have a reputation for putting travelers at a higher risk for gastrointestinal illnesses. But you can get sick from an improperly handled meal anywhere in the world.

by Rachel Ng, published April 11, 2023

Pad thai from a Bangkok street vendor or raw milk cheese from a bistro in France taste delicious in the moment. But for many travelers, the local dishes that make trips meaningful sometimes give them food poisoning – and the wrong sort of vacation memories.

By some metrics, gastrointestinal infections related to food or water affect 30 to 70 percent of all travelers during or immediately after their trips, according to a 2015 study in *BMJ Clinical Evidence*. Each year, one in six Americans and nearly one in 10 people worldwide suffer from such illnesses caused by bacteria (*E. coli*, salmonella, listeria), viruses (norovirus, hepatitis A), or parasites (giardiasis, roundworms, tapeworms).

Lower-income countries have a reputation for putting travelers at a higher risk for food poisoning, but people are just as likely to be sickened from an improperly handled meal in Italy or Australia – or from some sushi at their local supermarket.

Here’s why people get food poisoning, what to do if it strikes, and how to (maybe) prevent it.

What causes food poisoning?

There are 31 major known pathogens that cause foodborne illnesses, including norovirus, salmonella, E. coli, clostridium perfringens, and campylobacter. Depending on the bacteria, parasite, or virus, symptoms could include a few hours to a week of diarrhea and vomiting, plus stomach cramps, fever, or body aches. The most likely culprits? Raw or undercooked chicken, turkey, or meat; raw milk; raw fruits and vegetables; shellfish; and food stored in unsafe temperatures (e.g. an open-air buffet) or prepared in an unsanitary way.

Or the water might be making you sick. According to the U.S. Centers for Disease Control (CDC), more than 180 countries (including popular destinations the Maldives, Mexico, and the Bahamas), have tap water that is unsafe to drink. This means that brushing your teeth with local tap water or even washing your hands before preparing lunch could lead to illness.

“Giardia parasite is pretty common with contaminated water,” says Cindy Chung, a doctor at Kaiser San Rafael Pediatrics in California. “When a kid comes into my office with sudden diarrhea, I ask, ‘Have you been camping? Did you go to the beach? Have you traveled?’”

What can I do if I get sick?

There’s no quick fix for foodborne illnesses. Most will resolve once the bacteria or toxins have been flushed out through watery diarrhea or vomiting. To combat the discomfort during this unpleasant period, doctors recommend ample fluids to prevent dehydration and

over-the-counter painkillers (ibuprofen, naproxen) for stomach cramps.

Since diarrhea and vomiting are your body's natural immune response to expel toxins, only take anti-diarrhea and anti-nausea medications such as loperamide (Imodium A-D) and bismuth subsalicylate (Pepto-Bismol) if you're boarding a bus or airplane and won't have easy bathroom access.

To stay hydrated, Chung recommends Pedialyte or low-sugar Gatorade. "Too much sugar makes you feel worse when you have vomiting and diarrhea," she says. For severe cases, especially for children or the elderly, consider having a doctor prescribe ondansetron (Zofran), a medicine that slows down vomiting so you can drink more fluids.

You may be able to cancel or reschedule travel if you're too ill to move. Travel insurance sometimes considers food poisoning a valid reason to make flight changes. "But you can't go to the doctor the day after your missed flight and get a retroactive diagnosis," says Michelle Couch-Friedman, an ombudsman columnist for *The Points Guy* and founder of Consumer Rescue, a consumer advocacy organization.

What to do before a trip

Worried about getting sick on a trip? Consult your general practitioner or a travel clinic for recommendations on medications or vaccinations based on your destination. "We might give you a three-day course of azithromycin (Zithromax) because, with traveling, one of the most common bacteria is *E. coli*," says Chung. "But we tell patients not to use it unless their stools have blood." A doctor may give you a hepatitis A vaccine to prevent illness from contaminated food or water.

To help ward off diarrhea, experts at Mount Sinai recommend taking two Pepto-Bismol tablets, four times a day, before and during your trip. This advice is based on a landmark 1987 study of students traveling to Mexico, which showed that Pepto's active ingredient,

bismuth subsalicylate, reduced the incidence of traveler's diarrhea by approximately 60 percent.

“Generally, *E. coli* is the most common cause for traveler's diarrhea, and the medication may help prevent the bacteria from taking hold and [you] developing any symptoms,” says Michael Bolaris, chair of pediatrics and chief of infectious disease at Rancho Los Amigos National Rehabilitation Center in Downey, California. Bolaris cautions that taking bismuth subsalicylate might temporarily give travelers harmless black stools or tongues.

Pack electrolyte powders, water purification tablets, filtered water bottles, and hand sanitizer as well as anti-diarrhea, anti-nausea, and anti-inflammatory medications. Keep supplies in your carry-on, in case of mid-flight sickness or lost luggage.

Remember that the water in airplane bathrooms isn't potable. “You may actually be introducing yucky microbes by washing your hands prior to a meal or brushing your teeth,” says Couch-Friedman. “Bring a bottle of spring water into the bathroom to brush your teeth, and use hand sanitizer. Otherwise, you could fast-track yourself to gastrointestinal problems.”

What to do during a trip

Find out if the tap water is safe to drink in your destination with the CDC's Traveler's Health tool. Many hotels in places with unsafe water have their own filtration systems or provide bottled water. But nasties may come from that iced water at a street market or berries at a roadside food stand. When in doubt, avoid ice, and drink bottled water.

Concerned about single-use plastics? Bring a heavy-duty filtered water bottle (such as Grayl) and fill it with boiled water (if the hotel has a kettle) or water treated with purification tablets (Globaline, Potable-Aqua).

Sometimes, food poisoning happens because travelers have never encountered common bacteria and viruses at their destination.

“Locals build up some level of tolerance because their immune systems have been exposed multiple times,” says Bolaris.

That doesn’t mean you have to forgo street food in Southeast Asia or taco stands in Mexico City. Bolaris’ rule? If you can’t clean it or peel it, don’t eat it. Chung advises travelers to watch how vendors prep food. “Are they using utensils, gloves, or bare hands?” When in doubt, stick to piping hot dishes – grilled meats or fried fritters – and shun raw seafood and lukewarm stews.

Help might be coming

A few companies are developing a vaccine against norovirus, which infects 700 million people a year worldwide. The U.S. Food and Drug Administration is launching new Food Traceability Rules in 2026, designed to reduce foodborne illness and deaths by making it easier to trace contaminated foods – cheeses, fruits, vegetables, and seafood – throughout the supply chain.

(<https://www.nationalgeographic.com/>)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – М. : Изд. центр «Академия», 2004. – 347 с. – Текст : непосредственный.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – 2-е изд. – М. : ЛКИ, 2008. – 240 с. – Текст : непосредственный.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с. – Текст : непосредственный.
4. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : Р. Валент, 2011. – 408 с. – Текст : непосредственный.
5. Латышев, Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 320 с. – Текст : непосредственный.
6. Миньяр-Белоручев, Р. К. Общая теория перевода и устный перевод / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Воениздат, 1980. – 237 с. – Текст : непосредственный.
7. Найда, Ю. К науке переводить / Ю. Найда. – Текст : непосредственный // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 115.
8. Сдобников, В. В. Теория перевода : учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 448 с. – Текст : непосредственный.
9. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
10. National Geographic. – URL: <https://www.nationalgeographic.com>. – Текст : электронный.

Учебное издание

И. А. Балакина, Ю. В. Кузина

**КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Учебно-методическое пособие

Подготовлено к размещению: 05.05.2023.
Тираж 100. Объем: 0,64 Мб.

Уральский государственный педагогический университет.
620091 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.ru